

Švedova, Natal'ja Jul'jevna

Выступление в дискуссии

In: *Otázky slovanské syntaxe. III, Sborník symposia "Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích"*, Brno 27.-30. září 1971. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1973, pp. 166-167

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120847>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ДИСКУССИИ

1. Выступление по докладам П. Адамца и М. Грепля

Я думаю, что такие слова как *мочь, хотеть, намереваться, должен, надо, нужно, можно* и под. с их волюнтаривными и облигаторными значениями не имеют отношения к модальности как синтаксической категории. „Модальные“ значения этих слов есть их лексические значения. Вхождением предложений с такими словами в ряды типа: *Он должен работать — Ему работать — Он работай [а вы будете бездельничать?]* и под. подтверждается не синтаксический статус их „модальности“, а существование на уровне семантической структуры предложения особой категории долженствования, выражаемой как лексически, так и грамматически. Если мы сопоставим парадигматические серии типа: *Он работает — Он работал — Он будет работать — Он работал бы ... и Он хочет работать — Он хотел работать — Он будет хотеть работать — Он хотел бы работать...*, то мы увидим, что изменения здесь идентичны как со стороны собственно грамматической формы синтаксических времен и наклонений, так и с той стороны грамматической семантики, которая называется объективной модальностью (реальность / ирреальность). И то и другое предложения принимают в свой состав одни и те же субъективно-модальные показатели (вводные слова, акцентирующие частицы, сращения типа *работает-то работает, хочет-то хочет* и т. п.). Различие же в информативном качестве этих предложений (наличие волюнтаривного значения в одном предложении и отсутствие его в другом) лежит не в сфере синтаксической модальности, а в сфере обобщенных смысловых (информативных) категорий предложения, т. е. в сфере его семантического строения; ср. ряды типа *Он хочет работать — У него есть желание работать — Ему охота работать*, члены которых, при полном совпадении категорий семантической структуры (субъект состояния — состояние — действие, стимулируемое этим состоянием), расходятся структурно.

2. Выступление по докладу Д. Станишевой

Не представляется убедительным тезис о сохранении инвариантного значения побудительности в тех формах, которые нами квалифицируются как особое синтаксическое наклонение — долженствовательное. В предложениях личных, типа *Я читай, а никто не слушает*, действительно, можно усмотреть инвариантное императивное значение. Однако не следует забывать, что формы долженствовательности присущи не только личным предложениям, но и разным видам предложений бессубъектных; ср.: *В доме будь чистота и порядок, а убирать никто не хочет; У них будь и дом, и сад*

(или: *Их будь и дом и сад*), а у нас ничего. Такие конструкции занимают соответствующее место в парадигме предложения, — так же, как и личные предложения со значением долженствовательности. Представляется, что такие сопоставления служат достаточно убедительным аргументом в пользу того положения, что в русском языке существуют омонимичные глагольные формы для выражения побудительности и долженствовательности. Это подтверждается и тем, что синтаксический статус форм побудительности и долженствовательности в парадигме простого предложения не совпадает (ср. разные случаи занятости/незанятости соответствующих „клеток“ парадигмы, различия в словопорядке, несовпадающие синтагматические свойства этих двух синтаксических форм).

3. Замечание по поводу выступления П. Рестана

Возражая К. Гаузенбласу, который говорит, что вопрос не сочетается с императивом, П. Рестан приводит встретившиеся ему в письмах Рахманинова предложения типа *Расскажите о разговоре?*, совмещающие вопрос и побуждение. Он утверждает, однако, что предложения эти „несистемны“. Русской разговорной речи присущи предложения, вопросительные по форме и побудительные по значению, типа: *Приходи сегодня? Он так раскаивается: прости его? Помоги мне?* Эти предложения выражают смягченное побуждение, совмещая в себе значение побуждения и неуверенности в том, что это побуждение будет принято, выполнено. Когда их пытаются квалифицировать как „переходные“, „несистемные“ и т. п., то неясно, о какой системе идет речь. Исследования последних лет, особенно в области синтаксиса, показали, что строй русской разговорной речи представляет собою определенную систему. Рассматриваемые предложения принадлежат именно этой системе. Поэтому квалификация их как „несистемных“ неубедительна.